

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/47/12

В.Т. Фаритов

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»¹

В статье исследуются философские аспекты времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Автор показывает, что в произведении представлено не одно универсальное время, но множество гетерогенных временных измерений. Анализируются структуры модусов времени Евгения Онегина, автора, Ленского, Ольги и Татьяны, семейства Лариных, природы и светского общества. Описываются соответствующие модели временных модусов, выявляются их качественные различия в экзистенциальном плане.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», время, модус, экзистенция, модель времени.

В романе в стихах «Евгений Онегин» представлена оригинальная, богатая философскими импликациями концепция времени². Пушкин опередил свою эпоху тем, что показал не одно универсальное время, но множество гетерогенных измерений времени. Каждое такое измерение выступает в качестве модуса бытия, определяющего характер того или иного персонажа, его образ мыслей, поведение и отношение к другим людям. И наоборот – у каждого персонажа (от главных героев до второстепенных лиц) есть свое собственное временное измерение. Структура и конфигурация того или иного модуса времени изначально формирует индивидуальные и общественные миры, в которых разворачиваются события романа. Каждый временной модус задает особую систему отчета, определенную перспективу существования. В свою очередь, пересечение и взаимодействие этих гетерогенных измерений определяет конфликт произведения.

М.М. Бахтин указывает, что «процесс освоения в литературе реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности» [2. С. 11]. В русской литературе до Пушкина время как художественная и как историко-философская категория мыслилось и переживалось совершенно иначе. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Историческое время XVIII в. линейно. Идея циклического времени Джамбаттиста Вико, хотя и оказала частичное воздействие – через Вольнея – на Карамзина и, видимо, через Гердера – на Радищева, все же заметной роли в историческом сознании русского XVIII в. не сыграла» [3. С. 231]. В XVIII столетии не только в рус-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-34-11045.

² Общий анализ философских мотивов творчества А.С. Пушкина см. в кн. [1].

ской, но и в европейской литературе доминирует характерная для эпохи Просвещения идея исторического прогресса, предполагающая поступательное и по преимуществу однонаправленное движение времени, а также преобладание социального, общественно-политического времени над индивидуальным и личностным, частным временем. Пушкин не оставляет в стороне проблему исторического времени, но сопрягает его с временем героя, которое в его творчестве получает совершенно новое осмысление.

Проблема времени пушкинского романа в стихах исследована в работах Г.А. Гуковского [4], С.Г. Бочарова [5], Ю.М. Лотмана [6] и других авторов [7, 8]. В указанных работах уже были выявлены интересующая нас многослойность и полифоничность временной структуры «Евгения Онегина». В частности, В.С. Баевский отмечает: «В «Гамлете», в «Евгении Онегине», в «Рудине», в «Войне и мире» возникает многоплановый образ времени. Он взаимодействует с историческим временем, с авторским временем, с образами действующих лиц, обогащает их и обогащается ими. Так воссоздается то, что Тургенев со ссылкой на Шекспира назвал «the body and pressure of time» – «самый облик и давление времени» [9. С. 140–141].

Общей чертой названных исследований является преобладающая ориентация на реалистическое время текста Пушкина (что соответствует традиции прочтения «Евгения Онегина» как реалистического романа). Детальному и тщательному анализу подвергнута хронология произведения, выявляются совпадения или расхождения в датах исторических событий, событий сюжетных линий произведения, в биографическом времени героев и автора. Прделанная работа имеет непреходящую значимость в исследовании проблемы времени «Евгения Онегина». Однако пушкинский роман, как подлинное творение гения, характеризуется неисчерпаемой многогранностью, позволяющей обнаруживать в уже разработанных и изученных проблемах новые аспекты. Так, мы предполагаем в данной статье сформулировать и обосновать точку зрения, согласно которой в романе Пушкина помимо исторического и биографического времени значительную роль играет пласт *экзистенциального* времени. Этот временной пласт существенно отличается от исследованных до сих пор измерений исторического и авторского времени, а также времени действующих лиц. Экзистенциальное время получает свою значимость не от сюжетной организации художественного произведения и не от внешних, реально-исторических и биографических факторов. В соответствии с теоретическими разработками М. Хайдеггера [10] экзистенциальное время укоренено в онтологической структуре человеческого бытия. Это то время, в котором человеком осуществляется фундаментальный выбор собственного бытия, определяется стратегия его существования в мире. Как таковое экзистенциальное время нелинейно и неоднородно, но представлено качественно различающимися модусами (которые будут рассмотрены в настоящей статье ниже). Здесь мы вступаем в ту область исследования, где литературоведение взаимодействует с новейшими разработками в области философии. Мы ставим своей задачей показать, что роман Пушкина имеет вполне оформленный и самодостаточный экзистенциальный пласт. Обоснование данного тезиса позволит подтвердить вывод (см. в конце настоящей статьи), что «Евгений Онегин» является не только первым реалистическим романом в русской ли-

тературе, но и предначертывает пути формирования поэтики модернистского романа (который не только в русской, но и в европейской литературе появится значительно позднее эпохи написания «Евгения Онегина»).

В первой половине XIX в. Пушкин в художественной форме предвосхитил таких мыслителей XX столетия, как А. Эйнштейн, М. Бахтин и М. Хайдеггер. Уже в первой главе романа представлены два принципиально различающихся способа существования во времени и, соответственно, два мира, две перспективы бытия. Это время Онегина и время автора. В данном случае речь идет именно о двух мирах, каждый из которых определяется своей специфической моделью времени. Каждой из двух моделей времени принадлежит также своя роль в организации времени и пространства повествования (сюжетного времени, хронотопа) романа.

Время Онегина линейно и сконцентрировано в точке настоящего. Жизнь героя романа с самого начала представляется как череда последовательно сменяющих друг друга моментов настоящего: «Сперва *Madame* за ним ходила, // Потом *Monsieur* ее сменил» [11. С. 12]. Прошлое (историческое и личное) не имеет для него никакой экзистенциальной значимости: из истории он помнит лишь «дней минувших анекдоты», которые актуальны в текущий момент жизни, его юные годы не содержат никаких существенных событий, которые могли бы стать предметом воспоминания. Прошлое для Онегина – это ушедшие в небытие моменты настоящего, вытесненные другими, новыми моментами. То же самое относится и к будущему: в существовании Онегина оно незначимо и имеет смысл лишь как возможность слегка варьировать заполнение настоящего момента: «Куда ж поскачет мой проказник? // С кого начнет он? Всё равно: // Везде поспеть немудрено» [11. С. 16]. Жизнь героя в настоящем протекает между двумя изолированными временными отрезками – вчерашним и завтрашним днем. Время Онегина – это время настоящего дня, повседневность:

Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера [11. С. 25].

День представляет собой единицу астрономического измерения времени. Это внешнее, объективное, исчислимое время. Во временном измерении Онегина повышенную значимость получают единицы астрономического времени: утро, день, вечер, полдень, час¹. Время героя регулируется не внутренними мотивами и переживаниями, но максимально безличной инстанцией – часами: «Но звон брегета им доносит // Что новый начался балет» [11. С. 17]. Заикленность на астрономическом измерении времени достигает максимальной концентрации в письме Онегина к Татьяне: «Нет, поминутно видеть вас», – и далее:

---

¹ Сравнительный анализ лексемы «час» в произведениях А.С. Пушкина и Дж. Байрона см. в работе [12].

И я лишен того: для вас
 Тащусь повсюду наудачу;
 Мне дорог **день**, мне дорог **час**:
 А я в напрасной скуке трачу
 Судьбой отсчитанные **дни**.
 И так уж тягостны они.
 Я знаю: **век** уж мой измерен,
 Но чтоб продлилась жизнь моя,
 Я **утром** должен быть уверен,
 Что с вами **днем** увижусь я... [11. С. 169].

Итак, Онегин живет во внешнем времени, измеряемом часами и сутками. Внутреннее время у него отсутствует, внутри – пустота. Такая конфигурация времени заранее предопределяет истощение и скуку, которые уже с первой главы станут основными характеристиками состояния героя. Астрономическое время не является экзистенциальным временем, но представляет собой череду сменяющих друг друга «теперь», которые постоянно исчезают и постоянно приходят. Это движение временных промежутков заведомо лишено смысла. Позднее об этом будут говорить писатели и философы экзистенциалисты. В частности, М. Хайдеггер так характеризует один из аспектов «неподлинной» временности: «Вялая ненастроенность безразличия наконец, ни к чему не привязанная, никуда не порывающаяся и отдающая себя тому, что всякий раз приносит день, и при этом известным образом все принимающая, *убедительнейше* демонстрирует власть *забывания* в обыденных настроениях ближайшего озабочения. Жизнь по течению, всему «дающая быть» как оно есть, основана в забывшемся отдании себя брошенности. Такая жизнь имеет экстаичный смысл несобственной бывшести» [10. С. 387].

Мертвое время требует заполнения, цель которого – ускорить движение пустых, абстрактных «теперь». Этим мотивом определяются практически все действия Онегина:

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
 Сперва задумал наш Евгений
 Порядок новый учредить [11. С. 87].

В «Набросках к замыслу о Фаусте» мы находим вариацию стиха «Чтоб только время проводить»:

– Молчи! ты глуп и молоденек.
 Уж не тебе меня ловить.
 Ведь мы играем не из денег,
 А только б вечность проводить! [13. С. 519].

Аллюзия на Фауста здесь не случайна. Пушкинский Фауст страдает от того же недуга, что и Евгений Онегин: «Мне скучно, бес» [13. С. 108]. От того же недуга страдает и Фауст Гете: он ищет и не может найти мгновения, которое пожелал бы остановить («Werd' ich zum Augenblicke sagen: // Verwei-

le doch! du bist so schön!» [14. S. 48]), и даже дьявол не в силах ему в этом помочь¹.

Образ автора строится на основе совершенно другой конфигурации времени. Здесь – корень и исток той самой «разности» между Онегиным и автором. Прежде всего, следует отметить, что для автора существование не замыкается в границах настоящего момента. Его время не линейно, но конституируется по принципу «временных воронок». Общая схема этих «воронок» следующая: момент в настоящем продуцирует отсылку к прошлому. В первой главе таких временных воронок четыре: 1) XVIII–XX, 2) XXIX–XXXIV, 3) XLVIII–LI, 4) LV–LX. Так, описание посещения Онегиным театра вызывает у автора воспоминание о прошлом времени: «Волшебный край! Там в старые годы...» [11. С. 17]. Это воспоминание не остается объективно-безличным, но сразу же влечет память о собственном прошлом: «Там, там под сению кулис // Младые дни мои неслись» [11. С. 18]. Прошлое для автора – не мертвый и подлежащий забвению груз, но значимый момент в становлении его самости: он есть то, что он есть, благодаря своему прошлому, которое подлежит постоянному возобновлению в настоящем посредством памяти. Через возобновление прошлое становится живым элементом настоящего, а настоящее, в свою очередь, перестает быть пустым моментом, исчезающей и однообразной точкой «теперь». Настоящее оказывается углубленным и экзистенциально наполненным, просвеченным прошлым. Одновременно экзистенциальное прошлое не только проступает в настоящем, но и ориентировано на будущее: «Услышу ль **вновь** я ваши хоры» [11. С. 18]. Таким образом, мы видим, что перед нами не меланхолический уход от действительности в царство воспоминаний (как это имело место в романтизме у Гельдерлина или у Байрона)², но живое единство всех трех измерений времени: прошлое вспоминается в настоящем и направлено на возобновление в будущем. Время Онегина разорвано на изолированные друг от друга моменты, которые повторяются с регулярностью движения часового механизма. Это временность неподлинного бытия в мире. Такой модус времени в определенной степени является выражением экзистенциальной позиции самого героя, который уклоняется от задачи наполнения переживаемых моментов собственными смыслами, предпочитая заменить их чередой механических повторений. Поэтому время Онегина внутренне (на ментальном уровне) *бессобытийно*, несмотря на внешнюю наполненность его существования движением и переменами³. Время автора, напротив, представляет собой целостный феномен бытия, соединяющий прошлое, настоящее и будущее в единое мгновение. Это и есть то самое мгновение, которого искал Фауст и которое так и не смог пережить Онегин.

Вторая временная воронка погружает автора в воспоминания о любви. Так же, как и в предыдущем случае, прошлое через память возобновляется в настоящем:

¹ По теме «Пушкин и Гете» см., например, в работах [15, 16].

² По теме «Пушкин и Байрон» см. в работе [17].

³ О событийности как нарратологической категории см. в кн. [18].

Опять кипит воображенье,
 Опять ее прикосновенье
 Зажгло в увядшем сердце кровь,
 Опять тоска, опять любовь!.. [11. С. 24].

Настоящее время может расширяться для автора не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Здесь уже на передний план выступает не память, но воображение. Так, ночной пейзаж на петербургской набережной устремляет автора к будущему:

Адриатические волны,
 О Брента! нет, увижу вас
 И, вдохновенья снова полный,
 Услышу ваш волшебный глас! [11. С. 30].

Однако и здесь будущее сцеплено с прошлым: как поэт он *уже был там* («Он свят для внуков Аполлона; // По гордой лире Альбиона // Он мне знаком, он мне родной» [11. С. 30]). Будущее оказывается возобновлением уже бывшего (пусть только в модусе поэтического воображения).

Любовные переживания прошлого преобразуются в настоящем и раскрывают перспективу подлинного «Я» автора:

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный ум.
 Свободен, вновь ищу союза
 Волшебных звуков, чувств и дум... [11. С. 34].

Так прошлое приобретает значение судьбы: однажды бывшие события становятся этапами в становлении самости и выборе своего собственного пути. Напротив, для Онегина любовные приключения не претворяются посредством памяти и воображения в ценный опыт самопознания и самостановления. Все его женщины образуют лишь безразличный ряд, в котором одна сменяет другую, подобно тому, как одно настоящее сменяется другим. Этот ряд мало чем отличается от ряда вещей, которые заполняют пространство существования Онегина (например, описание предметов кабинета героя в строфе XXIV первой главы). Ряд представляет собой модель времени Онегина. Моделью времени автора является воронка. Для Онегина единица времени – это отрезок настоящего, измеряемый часами, днями или временем суток. Для автора единица времени не настоящее, но также не прошлое и не будущее, но – наполненное мгновение, соединяющее все три измерения времени в одно целое.

Только в восьмой главе Онегин выпадает из тисков своего временного измерения и приближается к времени автора. Любовь к Татьяне нарушает ряд последовательно сменяющихся друг друга настоящих моментов: она выступает в качестве парадоксального элемента, который в этот ряд не вписывается, и потому разрывает его. Татьяна оказывается не еще одной в ряду многих других, но единственной и уникальной, тем событием, которое не подлежит

включению в ряд. В результате Онегин погружается в то состояние, когда прошлое начинает активно проступать сквозь настоящее:

То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом – и у окна
Сидит *она*... и всё она!.. [11. С. 172].

Однако в этом модусе времени Онегин не смог удержаться:

Дни мчались: в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума [11. С. 173].

Пушкин не ограничивается в своем романе моделями времени лишь двух героев. Уже во второй главе разрабатываются временные модусы Ленского, Ольги и Татьяны, а также семейства Лариных. Каждый из названных персонажей обладает своим собственным временным измерением.

Временной модус Ленского характеризуется направленностью в будущее. Все его существование сконцентрировано в мечтах, надеждах, ожиданиях. Он ждет свадьбы с Ольгой и верит в грядущее мировое блаженство: «Неотразимыми лучами // Когда-нибудь нас озарит // И мир блаженством одарит» [11. С. 39]. Если время Онегина представлено как ряд, то время Ленского – это стрела, устремленная в одном направлении – в будущее. Время Онегина не знает цели, только погруженность в абстрактные моменты настоящего; время Ленского полностью определяется целью (будь то женитьба, слава поэта или гармония мира). Однако такая модель времени оказывается столь же абстрактной и дефективной, как и у Онегина. Одностороннее преобладание вектора будущего приводит к нарушению связи с настоящим. Настоящего юный поэт не знает и не видит, потому что в нем не живет. Для характеристики настоящего Ленского Пушкин подбирает формулу «еще не»: «От хладного разврата света // **Еще** увянуть **не** успев» [11. С. 39]. Актуальное бытие Ленского несамодостаточно, неполноценно, оно «еще не». Отсюда и будущее Ленского – в силу своей полной оторванности от настоящего – эфемерно и фантастично. Это чувствуют и Онегин и автор. Онегин: «И без меня пора придет; // Пускай покамест он живет // Да верит мира совершенству» [11. С. 43]. Автор: «А может быть и то: поэта // Обыкновенный ждал удел» [11. С. 126].

Временной модус Ольги характеризуется наречием «всегда», указывающим на отсутствие какого-либо движения во времени: «**Всегда** скромна, **всегда** послушна, // **Всегда** как утро весела» [11. С. 46]. Ольга пребывает в застывшем настоящем, модель ее времени – это точка, самодовлеющая и неподвижная. Ее бытие есть бытие мраморной статуи или стандартизированной

го портрета героини «любого» романа. Такой временной модус не доставляет никаких неудобств или страданий самой Ольге, однако для автора он скупен в своем застывшем портретном однообразии («Но надоел он мне безмерно» [11. С. 46]). Поэтому Пушкин уделяет Ольге совсем мало внимания, почти сразу переходя к Татьяне.

Если портрет Ольги открывается временным наречием «всегда», то характеристика Татьяны начинается наречием «впервые»: «**Впервые** именем таким...» [11. С. 46]. «Впервые» – это событие, подобное рождению звезды, вспышке сверхновой, внезапному озарению. Однако поначалу описание Татьяны производит впечатление черной дыры – благодаря преобладанию «не» в ее характеристике: «**Не** привлекла б она очей»; «Она ласкаться **не** умела»; «Играть и прыгать **не** хотела»; «Ее изнеженные пальцы // **Не** знали игл...»; «Узором шелковым она // **Не** оживляла полотна»; «Но куклы даже в эти годы // Татьяна в руки **не** брала»; «Беседы с нею **не** вела»; «Она в горелки **не** играла» [11. С. 47–48]. Сплошное отрицание, отсутствие. Но это отсутствие не равнозначно пустоте небытия, оно представляет собой существование в другом временном измерении, не совпадающем с общепринятым ходом вещей, с общественным повседневным временем (характеристику которого мы дадим чуть позже). После трех строф с отрицанием (XXV–XXVII) Пушкин дает наконец позитивную характеристику Татьяны:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день [11. С. 48].

Если предыдущие строфы раскрывали «внемирный» характер образа Татьяны (существование вне мира повседневности), то здесь представлен надмирный аспект ее бытия: ее собственная экзистенция находится не в земном пространстве (где можно играть в горелки, в куклы, вышивать), но в пространстве небесном, среди звезд и утренней зари. Этому пространству соответствует особое измерение времени: космическое время становления, время движения небесных светил. Это не абстрактное и исчисляемое астрономическое время Онегина, это скорее время античного Космоса. В пятой главе Пушкин еще раз подчеркнет этот космический аспект пространственно-временного измерения Татьяны:

Морозна ночь, всё небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платье выходит [11. С. 97].

В письме Татьяны к Онегину подчеркивается эта же укорененность героини в высшей сфере бытия: «То в **вышнем** суждено совете... // То **воля** **неба**: я твоя» [11. С. 69]. Здесь же раскрывается способность Татьяны вме-

стить в один миг максимальную полноту бытия, пережить мгновение как судьбу: «*Вся жизнь моя была залогом // Свиданья верного с тобой*». И далее: «*Ты чуть вошел, я вмиг узнала, // Вся обомлела, запылала*» [11. С. 69]. Время Татьяны концентрируется в миге, но это такой миг, который вбирает в себя всю жизнь, который является космическим событием обнаружения судьбы, небесного предназначения. Татьяна приближается к языческому, древнегреческому мироощущению с соответствующим способом переживания времени¹. Модель времени Татьяны – это движение небесных светил.

Во второй главе также характеризуется временное измерение семейства Лариных. Их время определяется привычкой: «*Привычка свыше нам дана*» [11. С. 49]; «*Они хранили в жизни мирной // Привычки мирной старины*» [11. С. 51]. Привычка задает определенный ритм течения времени, она обеспечивает регулярное повторение народных традиций («*У них на масленице жирной // Водились русские блины; // Два раза в год они говели*» [11. С. 51]). В отличие от времени Ольги время Лариных не лишено полностью движения, но характеризуется циклическим ритмом. Здесь уместно будет провести параллель с положением М.М. Бахтина об осуществляющемся в романе «*Дафнис и Хлоя*» разложении «*пастушеско-идиллического хронотопа*» [2]. Время Лариных, в общих чертах соответствующее понятию идиллического хронотопа, у Пушкина окружено со всех сторон чужеродными временными модулями. Это время Петербурга, от которого тщетно искал спасения в деревне Евгений Онегин, это время немецкого романтизма, привезенное «*из Германии туманной*» Ленским, это время Москвы, куда отправятся мать и дочь Ларины. Идиллический хронотоп с его циклическим ритмом показан в романе как вырождающийся и постепенно утрачивающий свою экзистенциальную (а также и литературную) значимость. Привычка обнаруживает и тот факт, что сама традиция уже не жива, что ее подлинный смысл утерян и забыт, а праздники и обряды соблюдаются лишь в силу установившегося распорядка, т.е. механически. Однако такой модус времени, регулируемый привычкой, вносит если не смысл, то хотя бы порядок и регулярность в ход дней и часов, сворачивает временной ряд в кольцо цикла. Тем самым повседневное, бытовое время освобождается от пустоты и абстрактности чистого астрономического времени. Такое время не является экзистенциально полноценным, поскольку лишено подлинной связи с народной традицией, а через нее – с ритмами природы и космоса. Линейность времени в данном случае не снимается, время продолжает идти своим путем, неизбежно приближая конечное бытие человека к своему последнему рубежу:

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец [11. С. 51].

---

¹ При этом мы не утверждаем, что сама Татьяна является язычницей. Мы исследуем структуру измерения времени героини, а не ее религиозные воззрения. По вопросу сочетания язычества и христианства в творчестве Пушкина см. в кн. [19].

После высокопарного характера приведенных стихов иронично звучит фраза: «Он умер в час перед обедом» [11. С. 51], возвращающая к самому что ни на есть обыденному времени существования.

В романе Пушкина самостоятельной значимостью обладает время природы. Примечательно, что наиболее яркие, ставшие хрестоматийными пейзажные зарисовки отличаются одной общей деталью: все они изображают становление¹. Описывается не столько зима, не осень или весна, сколько становление зимы, наступление осени или весны. Пушкин фиксирует момент перехода, зарождения и возникновения:

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора [11. С. 89].

В раках одной строфы лето перетекает в осень, а осень плавно переходит в зиму. Пушкин предстает здесь последователем Гераклита с его максимой: «Все течет». То же самое становление описывается и седьмой главе:

Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана...
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идет волшебница зима [11. С. 143].

Время природы представляет собой основу существования всего живого: все становится, переходит в другое состояние, все рождается, возникает, расцветает, все умирает, все вновь возвращается. Становление природы лежит и в основе подлинных народных традиций, преданий и обрядов с их укорененностью в природных циклах, с их циклической моделью времени. Контрастный полюс природному времени составляет время обитателей больших городов, оторванных от становления и от жизни:

Но в них не видно перемены,
Всё в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец... [11. С. 149].

---

¹ См. в этой связи работу [20].

Это время абсолютного пребывания и фиксированного тождества. Это бытие, не знающее становления.

Таковы основные модусы времени в романе «Евгений Онегин». Описанные временные измерения находятся во взаимодействии друг с другом. Они вступают в отношения оппозиции, образуя противоположные полюса, или дополняют и оттеняют друг друга. Временные модусы обнаруживают качественное различие в экзистенциальном плане. Модусы времени Онегина и Ленского являются дефективными. Модусы Ольги, семейства Лариных и светского общества – неподлинными. В качестве экзистенциально полноценных выступают модусы времени автора и Татьяны. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что именно время является главным героем произведения Пушкина, а «Евгений Онегин» представляет собой не только реалистический, но и экзистенциальный роман¹. Внутренний мир отдельных героев, их характеры и судьбы определяются здесь не только факторами общественной жизни определенной исторической эпохи, но и специфическими способами организации измерений времени. Тем самым анализ экзистенциально-онтологической структуры времени в романе «Евгений Онегин» позволяет раскрыть дополнительные грани смысла и поэтики бессмертного творения А.С. Пушкина.

Литература

1. Кибальник С.А. Художественная философия А.С. Пушкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 200 с.
2. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Эпос и роман. М.; СПб., 2000. С. 11–194.
3. Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX вв. // Собр. соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М., 1998. С. 231–239.
4. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 416 с.
5. Бочаров С.Г. Форма плана // Вопр. литературы. 1967. № 12. С. 115–136.
6. Лотман Ю.М. А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Азбука, 2015. 640 с.
7. Тойбин И.М. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6: Реализм Пушкина и литература его времени. М.; Л., 1969. С. 35–59.
8. Лазукова М. Время в романе «Евгений Онегин» // Литература в школе. 1974. № 2.
9. Баевский В.С. Сквозь магический кристалл. М.: Прометей, 1990. 158 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 4. 560 с.
12. Губанова Н.Г. Час в поэтическом языке А.С. Пушкина и Д. Байрона (на материале романа в стихах «Евгений Онегин» и поэмы «Паломничество Чайльда-Гарольда») / Н.Г. Губанова, Ю.Ю. Клыкова // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 39–43.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 2. 800 с.
14. Goethe J.W. Faust. Der Tragödie. Erster Teil. Stuttgart: Reclam, 2000.
15. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л.: Гослитиздат, 1937. 674 с.
16. Эпштейн М.Н. Фауст и Петр на берегу моря: от Гете к Пушкину // Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М., 2006. С. 62–85.

¹ В.П. Руднев обосновывает классификацию романа Пушкина как модернистского [21. С. 195]. М.Н. Эпштейн предлагает относить «Евгения Онегина» к литературе постмодернизма [22]. Об экзистенциальных мотивах творчества Пушкина см. работу автора [23].

17. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1976. 424 с.
18. *Событие и событийность*: сб. ст. / под ред. В. Марковича, В. Шмида. М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. 296 с.
19. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. СПб.: Наука, 2007. 902 с.
20. *Жолковский А.К.* Инварианты Пушкина // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1979. Вып. 467. С. 3–25.
21. *Руднев В.П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
22. *Эттингейн М.Н.* Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8. С. 166–188.
23. *Фаритов В.Т.* Память и историчность как экзистенциальные мотивы пушкинской поэзии: (Пушкин и Ясперс) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 3 (41). С. 170–181.

THE PHILOSOPHY OF TIME IN A.S. PUSHKIN'S *EUGENE ONEGIN*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 171–183. DOI: 10.17223/19986645/47/12

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation).
E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Alexander Pushkin, *Eugene Onegin*, time, modus, existence, time model.

The aim of the article is to study the philosophical aspects of time in the novel in verse, A.S. Pushkin's *Eugene Onegin*. The author aims to substantiate the thesis that the text of Pushkin's novel presents an original concept of time, rich in philosophical implications.

The problem, the solution of which the study is devoted to, is that Russian literature before Pushkin time as an artistic and a historical and philosophical category was thought and experienced in a completely different way. In the 18th century, the idea of historical progress characteristic of the Enlightenment dominantes not only in Russian, but also in European literature; it implies the progressive and mostly unidirectional movement of time, as well as the prevalence of social, socio-political time over the individual and personal, private time. Pushkin does not leave aside the historical problem of time, but it matches with the time of the hero that gets a completely new interpretation in the novel.

The author relies on the methodological principles and theoretical framework of M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman and uses elements of narratology analysis. The author also uses the conceptual development of existential philosophy (K. Jaspers, M. Heidegger).

It is proved that Pushkin was ahead of his time by showing not one universal time, but a lot of heterogeneous measurements of time. Each such measurement acts as a mode of being, defining the nature of a particular character, their way of thinking, behavior and attitude towards others. And, vice versa, each character (from the main characters to minor persons) has its own temporal dimension.

The author proves the thesis that in addition to the historical and biographical time existential time plays a significant role in the novel. This is time in which a person makes the fundamental choice of their own existence, determined the strategy of their existence in the world.

Two fundamentally different modes of existence in time and, accordingly, two worlds, two perspectives of being are presented in the very first chapter of the novel. This is Onegin's time and the author's time. In this case we are talking about two worlds, each of which is determined by their specific model of time. Each of the two models of time has its own role in the organization of time and space of the narrative (plot time, chronotope).

Pushkin does not limit himself in his novel with models of time of only two characters. In the second chapter he develops modes of Lensky, Olga and Tatiana, as well as of the Larin family. Each of these characters has their own time dimension.

On the basis of the research the author concludes that it is time that is the protagonist of Pushkin's works, and *Eugene Onegin* is not only a realistic, but an existential novel. The inner world of individual characters, their personalities and destinies are determined here not so much a factor in the social life of a certain historical period (though this layer is also present in the novel), but as specific ways of organizing the measurement of time.

References

1. Kibal'nik, S.A. (1998) *Khudozhestvennaya filosofiya A.S. Pushkina* [The Artistic Philosophy of A.S. Pushkin]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Bakhtin, M. (2000) *Epos i roman* [Epos and novel] Moscow: St. Petersburg: Azbuka. pp. 11–194.
3. Lotman, Yu.M. (1998) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 1. Moscow: OGI. pp. 231–239.
4. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticeskogo stilya* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
5. Bocharov, S.G. (1967) Forma plana [Plan form]. *Voprosy literatury*. 12. pp. 115–136.
6. Lotman, Yu.M. (2015) *A.S. Pushkin. Biografiya pisatelya. Roman "Evgeniy Onegin"*. *Kommentariy* [A.S. Pushkin. Biography of the writer. The novel "Eugene Onegin". Commentary]. St. Petersburg: Azbuka.
7. Toybin, I.M. (1969) Voprosy istorizma i khudozhestvennaya sistema Pushkina 1830-kh godov [Questions of historicism and Pushkin's art system of the 1830s]. In: Meylakh, B.S. et al. (eds) *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Vol. 6. Moscow–Leningrad: Nauka.
8. Lazukova, M. (1974) Vremya v romane "Evgeniy Onegin" [Time in the novel "Eugene Onegin"]. *Literatura v shkole*. 2.
9. Baevskiy, V.S. (1990) *Skvoz' magicheskii kristall* [Through the Magic Crystal]. Moscow: Prometey.
10. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkov: "Folio".
11. Pushkin, A.S. (1960) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
12. Gubanova, N.G. et al. (2015) [An hour in the poetic language of Pushkin and Byron (on the material of the novel in verse "Eugene Onegin" and the poem "The Pilgrimage of Childe Harold")]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya* [Linguistics, linguodidactics, translation studies: topical issues and research prospects]. Proceedings of the international conference. Cheboksary: Chuvash State University. pp. 39–43. (In Russian).
13. Pushkin, A.S. (1959) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Goethe, J.W. (2000) *Faust. Der Tragödie. Erster Teil* [Faust. The tragedy. Part 1]. Stuttgart: Reclam.
15. Zhirmunskiy, V.M. (1937) *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian Literature]. Leningrad: Goslitizdat.
16. Epshteyn, M.N. (2006) *Slovo i molchanie: Metafizika russkoy literatury* [Word and Silence: The Metaphysics of Russian Literature]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 62–85.
17. Zhirmunskiy, V.M. (1976) *Bayron i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad: Nauka.
18. Markovich, V. & Schmid, V. (ed.) (2010) *Sobytie i sobytynost'* [Event and eventfulness]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy-Intrada.
19. Merezhkovskiy, D.S. (2007) *Vechnye sputniki* [Eternal satellites]. St. Petersburg: Nauka.
20. Zholkovskiy, A.K. (1979) Invarianty Pushkina [Pushkin's Invariants]. *Uchenye zapiski Tartus'kogo gosudarstvennogo universiteta*. 467. pp. 3–25.
21. Rudnev, V.P. (2000) *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* [Away from reality: Studies on the philosophy of the text]. Moscow: "Agraf".
22. Epshteyn, M.N. (1996) Istoki i smysl russkogo postmodernizma [The origins and meaning of Russian postmodernism] *Zvezda*. 8. pp. 166–188.
23. Faritov, V.T. (2016) Memory and historicity as existential motifs of Pushkin's poetry (Pushkin and Jaspers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 170–181. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/14